

Памяти моего дедушки участника ВОВ,
капитана дальнего плавания,
Дьякова Валентина Георгиевича

Не знаю, как всё точно обстояло на самом деле, но мне представляется, что могло быть как-то так.

«Москва, 1938 год

Мишка протянул мне какую-то книжку, а я с тоской пнул ему наш боевой мяч. И. Ильф и Е. Петров. Том 2. Мишкины глаза светились от азарта.

– Ты обязан это прочитать! Там всего четыре тома, два я уже прочёл, – сказал он мне. – За ночь и за день успеешь, а я послезавтра заскочу к тебе и обсудим. Всё, давай, герой, не бойся! До скорого.

Мне показалось, что в его словах был слышен лёгкий оттенок приключенческого заговора, и что всё дело было в книжке. Он деловито натянул набекрень кепку, подкатал свои брюки на манер футбольных трусов, крепко прижал к груди наш старый мяч и рванул вниз по улице в сторону нового футбольного поля. Я с тоской посмотрел Мишке вслед, потом на книжку и похромал на свой балкон. На душе скребли кошки, дождь был смешной помехой для нашего дворового футбола. Я отложил недочитанную историю про Гаврику и Петю и лениво открыл Мишкину книжку».

По жестяной крыше барабанил тёплый летний дождь, слёзы накапывались на глаза почти естественно. Валик залился на себя и на свою опухшую ногу. Вчерашний удачный пас привёл его команду к победе и серьёзному растяжению связок. Занятия в школе закончились, но долгожданные каникулы были испорчены, едва успев начаться. Для 14-летнего мальчишки опухшая нога не была бы такой уж большой бедой в начале каникул, если бы не другая беда длиной во всё лето. Имя основной беды было Загорск. В среду Валику предстояло, как обычно, отправиться на всё лето к тётке. Загорск, ещё именуемый его жителями Сергиевым Посадом, манил летом многих отдохнуть от московской суеты, вдали от городского шума на лоне природы с семьёй. Но Валик ничего прекрасного не видел в летнем Загорске, который сулил ему лишь тёткину душевную стращню и бесконечную провинциальную скукоту.

После развода родителей Валика его сестра Калерия осталась жить с мамой, а Валик – с отцом. Воспоминания детства у них сложились разные. Сестра вспоминала маму как хрупкую и нежную женщину, жившую в постоянной усталости и испытывавшую вечную материальную нужду. У мамы были всегда холодные руки и ноги, и она очень тяжело вставала по утрам, чтобы идти на работу на почту. Валентин почти не помнил маму, но знал, что мамино дворянское происхождение и манеры помешали ей остаться женой красного офицера, поскольку её непрелетарские корни препятствовали его успешной и стремительной карьере. Валик слышал что-то про предка по фамилии Апраксин: мама сетовала, что тот был заядлым картёжником, проигравшим всё их состояние, к глубокому сожалению родственников, выкупивших его

из долговой тюрьмы. Может, поэтому Валику строго-настроено запрещали прикасаться к игральным картам. Позже он объяснял развод родителей тем, что отец очень любил женщин и честно женился на тех, кого любил особенно сильно. Для отца Валик не стал обузой, поскольку большей частью жил в интернате, а летом – с тётками. И всё бы в его жизни могло бы сложиться иначе, если бы не сосед Мишка, а еще Ильф и Петров с Катаевым, Ж.Верн, Д. Лондон и Д. Конрад.

Валик открыл книжку там, где был загнут уголок. Глаза скользнули по тексту и остановились на том, что настоящая жизнь прелетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями. Тоскливо вздохнув, он сразу подумал о Загорске. Настоящая жизнь, ну, не в Загорске же она. Там сверкают лишь купола церквей, а не крылья... Лаковые крылья – это забавно, но не про Загорск точно. Какая она, настоящая жизнь? Он забрался на диван и решил читать, как положено, с начала.

Пешеходов надо любить. Пешеходы составляют большую часть человечества. Мало того – лучшую его часть. Пешеходы создали мир. Это они построили города, возвели многоэтажные здания, провели канализацию и водопровод, замостили улицы и осветили их электрическими лампами. Это они распространили культуру по всему свету, изобрели книгопечатание, выдумали порох, перебрали мосты через реки, расшифровали египетские иероглифы, ввели в употребление безопасную бритву, уничтожили торговлю рабами и установили, что из бобов сои можно приготовить вкусных питательных блюд.

И когда все было готово, когда родная планета приняла сравнительно благоустроенный вид, появились автомобилисты.

Екатерина Безпалова Москва – Одесса

Надо заметить, что автомобиль тоже был изобретен пешеходом. Но автомобилисты об этом как-то сразу забыли. Кротких и умных пешеходов стали давить. Улицы, созданные пешеходами, перешли во власть автомобилистов. Мостовые стали вдвое шире, тротуары сузились до размера табачной бандероли. И пешеходы стали испуганно жаться к стенам домов.

В большом городе пешеходы ведут мученическую жизнь. Для них ввели некое транспортное гетто. Им разрешают переходить улицы только на перекрестках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где волосок, на котором обычно висит жизнь пешехода, легче всего оборвать...

Любопытно было, чем Мишку тронула эта, на первый взгляд, нудная книжка о пешеходах и автомобилистах. Сначала он читал, пропуская целые абзацы, скорее не читал, а перелистывал страницы. Но вскоре стал читать медленнее, будто Остап Бендер вещал не только Шуре Балаганову и Паниковскому, но и самому Валику. Страница за страницей – и он окончательно увлекся. От Бендера он впервые услышал о Рио-де-Жанейро, но уже через несколько часов был полностью заморожен этим малявцем и не по-московски тёплым городом. Мечта Великого Комбинатора быстро стала родной и Валику. Мысленно он уже ехал с ним на Антилипе-Гну в Рио-де-Жанейро, но провалился в сон, где гулял по белому песку Копакабаны под марш рыбаков, напевая на родном русском языке: «Я начал жизнь в трущобах городских...», хотя мелодия эта будет написана лишь через четверть века, а русские слова появятся ещё позже.

Утром нога уже почти не болела, отъезд в Загорск приближался, а мечты о Рио не отступали. Захотелось просто бежать навстречу своей мечте. Сестра в автомобиль, или на поезд, а лучше на пароход, но непременно сбежать куда-нибудь. Сбежать. Куда угодно. И точно не в Загорск. Нужно побыстрее встретиться с Мишкой и предложить сбежать вместе. Не успел Валик это подумать, как Мишка постучал в окно. Через 10 минут они уже сидели в беседке и разрабатывали план побега. Как оказалось, идея отправиться в тёплые края родилась в их головах почти одновременно, но Мишка успел спланировать всё до мельчайших деталей, включая пункт назначения. Нет, не Рио-де-Жанейро. Это была Одесса. Мишка был настолько убеждён, что Одесса совсем не хуже Рио, что легко смог в этом убедить и своего друга. Главным аргументом было то, что в Рио пароходом можно добраться только из Одессы.

Одессой Мишка болел давно. Каждое лето он ездил туда к родственникам на дачу на Фонтане. Мишка рассказывал про Чёрное море, которое на самом деле было синим, и рассказывал Валику истории своего дяди-моряка. Мишкины родители работали на Мосфильме, но всегда хвалили Одесскую кинофабрику. Хотя, скорей всего, главным аргументом в пользу Одессы была его влюблённость. Одесса манила друга, потому что там жила Гуля, его первая любовь. Мишка по-настоящему влюбился в Гулю, приехавшую ненадолго в Москву и запавшую ему в душу. Девочка рассказывала ему, как снималась в Одессе в кино. Он писал письма Гуле Королёвой, на тот адрес, который она оставила ему. Ответ пришел лишь однажды, но он тешил себя надеждами, что если поедет в Одессу и попустит на Одесскую кинофабрику, то они обязательно встретятся снова. Это придавало Мишкиной затее побега в Одессу безграничную значимость.

– Короче, Валик, есть у меня план. И мне нужно только твое безоговорочное согласие. Твои тётки ведь не против, зовут тебя приехать к ним в Загорск с другом. А друг – это я! Мои родители в отъезде, а с бабушкой я уже договорился. Завтра вместо электрички в Загорск мы садимся на поезд, отправляющийся в Одессу. Деньги на дорогу я уже скопил, проводнику знакомому знаю что наврать, почему еду не с родителями, а с тобой. В конце концов, я же будущий великий режиссер Мосфильма и великий комбинатор! Нам главное вырваться отсюда, а там не пропадем!

Валик был в такой эйфории, что безоговорочное согласие последовало незамедлительно. Он сказал «поехали!» и махнул рукой.

– А дальше все просто. Мы поступаем на кинофабрику, я – на режиссерское дело, а из тебя выйдет хороший актер! Будешь известным, как Утесов! Ну, и там есть ещё и Мореходка! Ты, кажется, хотел быть моряком. Захочешь – будешь ты, Валентин Георгиевич, Лордом Джимом, Капитаном Грантом

или Диком Сэндом! Ты со мной?

– Какой же вы негодяй, Негоро!

– Негоро?! О нет, я не Негоро!

Я капитан Себастьян Перейра! Торговец чёрным деревом! Негоциант! Компаньон великого Альвеса!

– Мишка, я с тобой! Я еду! Как еду – не знаю, не знаю, но еду!

Часто детские мечты и планы лопаются, как мыльные пузыри. Но в нашем случае Валик больше всего на свете хотел избежать Загорска, а Мишка – попасть на Одесскую кинофабрику и стать режиссёром. Их желания были настолько сильны, что в поезд Москва-Одесса не могло не оказаться места для двух сорванцов. И вот они, устроившись вдвоём на верхней полке, грезили тем, что их ждет. Валик гнал от себя мысли о том, что будет, когда отец узнает, что он сбежал. Ведь ничего страшнее гнева отца быть не может. Так ему казалось, пока он не заснул.

Убаюкивающий тук-тук, тук-тук, тук-тук сменила глухая тишина. Оглушающая тишина. Валик не пытался плыть, а лишь едва удерживался на плаву. Вода была ледяной, а волны были окрашены в чёрный цвет ночи лишь у горизонта. Его товарищи были рядом, но их тела приняли жуткие противоестественные позы, в их глазах застыл ужас. Он хотел крикнуть, но голос потонул в серо-багровой дымке, окутавшей чёрно-алое море. Зарев торпедированного судна растворялось в темноте. Очертания берегов казались недостижимо далёкими. На крик уже не хватало сил. Валика затылила ледяная пучина Чёрного моря. Внезапно он ухватился за чью-то руку. Он узнал руку друга, но рука тянула его вниз. Валик был в адском котле. Кровавый чело-веческий суп. Чудовищная похлёбка каннибала.

Оглушительная тишина рухнула в безграничную тьму. Не мог Валик определить, что за берега были на горизонте – Одессы, Кавказа, Севастополя. Не мог знать, что

такое «Фабрициус», торпедная атака, контузия, плеврит. Не догадывался, что скоро станет курсантом Одесского мореходного училища и вместе с другими мальчишками морским десантом будет брошен на фронт защищать берега большой советской Родины. Не знал, что однажды его училище назовут в честь Александра Маринеско, но оно так и останется средней Мореходкой, а в Одессе откроется и высшая Мореходка, и он уже капитаном пойдёт ещё раз учиться уже туда, чтоб получить капитанский диплом «Вышки».

Поезд резко остановился, Валик вырвался из своего кошмарного сна. Он не мог предположить, что сон был вещим. Сердце выпрыгнуло от трепета и ужаса, но через несколько минут услышал опять размеренный тук-тук, тук-тук, тук-тук. И был счаст-

лив, что это не его сердце, а колеса и шпалы железной дороги. Мишка посапывал рядом со счастливой геройской улыбкой на лице. Через несколько минут поезд тронулся, тук-тук, тук-тук, и снова унёс Валика куда-то далеко из вагона. Опять была ночь, тишина, нарушаемая судовыми гонгами и гудками. Очертания берегов. Странные огни. Маяк. Густой туман. Черное-черное море. Звезд не видно, но небо мирное, и на берегу нет войны. Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Яркое солнце, пальмы, яркие витрины, загорелые тела, тропические цветы, звуки танго, сигары, трубки, виски... Куба, Бразилия, Тайвань... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Порт, краны, швартовые концы, грузчики, пьющие на причале дешевое кьянти из больших плетеных бутылок, мотороллеры, пицца, спагетти, дворцы и фонтаны в пышном барокко, каналы, мосты, гондолы... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Красные флаги, парады, гордость за страну-победительницу, боль за тех, кто не видит, что их подвиг сделал счастливыми миллионы, красные гвоздики, «Пролетарии-всех-стран-соединяйтесь...» Тук-тук, тук-тук...

Сказочные непонятные сны в странную ночь, определившую всю последующую жизнь. Сотни километров железной дороги до Одессы, тысячи морских миль и тысячи шагов по дороге жизни, выбранной самостоятельно.

А пока все спокойно спали. И в Загорске, и в Москве, и в Одессе, и в вагоне поезда Москва-Одесса. Никто не знал и не мог предположить, какие испытания и приключения приготовила Валику жизнь.

Валик не мог себе представить завтрашний день. Он не знал, как выглядит перрон одесского вокзала, как пахнет море, порт, акация, где находится Кинофабрика, Мореходка, Потемкинская лестница Эйзенштейна, Большой Фонтан, Аркадия. А о том, что скоро будет самая страшная война, не знал не только Валик, но вообще никто из тех, кто ехал в поезде или встречал родных на вокзале тогда ещё просто Одессы, без почётно Города-Героя. Валик не знал, что Мишка провалит свой экзамен, вернётся в Москву и станет там режиссёром, а сам Валик останется в Одессе навсегда, чтобы пройти войну и защищать свою Родину, встретить здесь свою любовь, стать мужем, отцом и дедушкой. И, конечно, моряком, чтоб попасть в Рио-де-Жанейро, познакомиться со многими интересными людьми, обрести друзей, вместе с ними восстанавливать разрушенную войной страну, строить светлое будущее для новых поколений. И дышать Одессой до последнего вздоха.

